

2. Смета губернских земских повинностей Курской губернии на 1876 г. Ст.55. // Журналы заседаний XI губернского земского собрания. Курск, 1876. С. 462.
3. Доклад губернской управы о бывшем в г. Курске 1-го июля сего года съезде земских врачей // Журналы заседаний XI губернского земского собрания 1875 года. Курск, 1876. С.392.
4. Труды II губернского съезда по медицинским вопросам Курского земства. Вып. I. Курск, 1882 год. С. IV.
5. Труды V съезда земских врачей и представителей земств Курской губернии. Курск, 1894. С.V.
6. ГАКО. Ф. 54. оп. 1. д. 1013. л. 11об.
7. Доклады Курской губернской земской управы XXXII очередному губернскому земскому собранию // Журналы заседаний XXXII очередного губернского земского собрания. Курск, 1896. С. 518.
8. По докладу о ходатайствах уездных земских собраний по разным земско-медицинским вопросам // Журналы заседаний XL очередного губернского земского собрания. Курск, 1905. С. 206.
9. Постановления по медицинским вопросам XLI очередного губернского земского собрания // Врачебно – санитарная хроника Курской губернии. №4. Курск, 1906. С. 42.

ПОЛОЖЕНИЕ КУПЕЧЕСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 60-90 ГГ. XIX В.

Меньшикова Евгения Николаевна

Белгородский государственный университет

В настоящей статье реконструируется сценарий семейной жизни купеческой женщины Центрального Черноземья в 60-90 гг. XIX века на основе личных источников и материалов судебного делопроизводства (документы окружного суда и духовных ведомств Курской и Воронежской губерний, отражающие случаи бракоразводных процессов в купеческой среде).

Ключевые слова: женщина купеческого сословия, семья, супружеские отношения, насилие в семье.

In the present article is being reconstructed a family life scenario of a merchant women from the Central Chernozemie in 60 - 90s. in the 19th century, on basis of personal sources and materials of judicial proceedings (the documents of regional court and religious authorities of Kursk and Voronezh provinces, reflecting the divorce in the merchants' environment).

Key words: a woman of the merchants, family, matrimonial relationships, violence, family violence.

Семья являлась той сферой, вне которой купеческая женщина не представляла своего существования. Замужество рассматривалось в женском ми-

ре купеческого сословия Центрального Черноземья пореформенного периода как обязательный этап и одновременно генеральная цель жизненного проекта каждой взрослой женщины, критерием жизненного успеха. Удачное замужество, по распространённому в женской купеческой среде суждению, могло принести весомые дивиденды: самостоятельность, «защиту от обидчиков», «довольство и спокойствие, радость материнства, удовлетворение от исполненного естественного предназначения»; только в браке женщина «могла достичь своего высшего развития, полнейшего расцвета»¹, «только в пределах мирной домашней жизни душа женщины могла развиваться благотворно и безопасно»². Всё предшествующее этому событию время жизни девушки из купеческой среды посвящалось подготовке к выполнению в будущем функций жены, матери, хозяйки дома.

Кроме того, замужество было для женщины единственной альтернативной возможностью освобождения от всеобъемлющей, порой принимающую тираническую форму власти отца. Создание собственной семьи не избавляло личность женщины от мужской власти вообще. В сущности, вся протяжённость семейной жизни купчихи сопровождалась подчинением мужчине – мужу, а в случае его смерти, старшему сыну. Сами женщины купеческого сословия на ментальном уровне отказывали себе в семейной жизни в праве на проявлении индивидуальности. Для них была характерна установка, согласно которой, жизнь без мужской власти над собой неполноценна, сродни сиротству. Эта установка объясняет и природу уничижительного представления о женщинах не сумевших выйти замуж. Девушки после 25 лет в купеческой среде считались засидевшимися в невестах. Не вышедшую замуж женщину ожидала незавидная судьба – «весь век скитаться в девках»³. Она становилась обузой для купеческой семьи, вызывала некоторое сожаление и презрение многочисленных родственников и соседей. В семейной иерархии такая женщина занимала более низкое положение по сравнению с тем, какое имела, будучи невестой. Так называемая «старая дева» после смерти отца – главы купеческого семейства становилась членом семьи старшего брата или замужней сестры; ей передавалась часть обязанностей по хозяйственному обслуживанию данной домоводной группы и воспитанию детей.

В купеческой среде Курской и Воронежской губерний в 60-90 гг. XIX в. было принято выдавать замуж дочерей в 18–20-летнем возрасте. Вошедших в «невестины лета» дочерей стремились пораньше выдать замуж.

Чтобы показать потенциальным женихам все преимущества девушки-невесты в выгодном свете в купеческой среде Центрального Черноземья 60-90 гг. XIX в. было распространено совершать семейные прогулки по городу; посещать общегородские гулянья по случаю церковных или светских праздников; модные церквы в воскресные и праздничные дни; частные музыкальные вечера или вечера в честь именинников, устройство которых было особенно характерно для богатых купеческих домов губернских городов – Курска и Воронежа. На этих вечерах, организованных на дворянский манер, собирались молодые люди из купеческих семей, поддержи-

вающих между собой деловые, дружеские или родственные связи⁴. Такие мероприятия обычно служили своеобразным смотром невест. Знакомство и общение молодых людей происходило в присутствии старших, которые наблюдали за соблюдением «заведённых приличий».

При выборе партии для своей дочери родители руководствовались соображениями экономической целесообразности будущего брачного союза. Заботы обоих родителей девушки из купеческой среды сводились к тому, как бы найти «хорошего человека», чтобы её «поскорее пристроить». Родителей невесты мог удовлетворить человек, у которого бы «водились денюжки, да приданного поменьше ломил»⁵. Стратегические расчёты в отношении будущего мужа для своей дочери осуществлял отец-купец, практические шаги в данном направлении предпринимала мать. Местные купчихи в этом деле обращались к услугам «матримониальных дел мастериц» – свах. Во многих купеческих семьях сваха считалась «первобытной, миллион раз осмеянной и всё-таки живущей формой брачной конторы»⁶. Но она как никто другой могла представить в положительном свете своих клиенток, акцентировать внимание женихов на достоинствах невест, и, в первую очередь, указать на их материальную обеспеченность.

Выгода от женитьбы на купеческой дочери была очевидна. В случае успешного исхода добрачных переговоров жених получал внушительное приданое. Поэтому купеческая женщина рассматривалась как источник получения прибыли.

Надо заметить, что в купеческой среде практиковались обманы с приданым. Случалось так, что «по купеческому обыкновению», родители, пообещав дать за дочью определённую часть своего имущества, оттягивали его выплату до свадьбы, и, в конце концов, ничего не давали. Несомненно, «эти ловкие операции портили отношения людей, влияли на судьбу молодой жены, которая не повинна в этом обмане»⁷. Обман с приданым в последствии мог стать «источником бесконечных укоров и семейных сцен самого грубого свойства»⁸.

Девушка из купеческой семьи с претендентом на свою руку связывала ожидания на создание такой модели супружеских отношений, которая основывалась бы на существовании взаимных чувств, характеризовалась бы психологической совместимостью, отсутствием такого способа разрешения семейных разногласий, как насилие. Что касается женского определения мужской привлекательности, бытовавшего в купеческой среде Центрального Черноземья исследуемого периода, то к внешним коррелятам «идеального» мужа относились такие разнородные свойства, как физическая сила, здоровье, представительность, «незлобивость» характера, благочестие, финансовое благополучие. Не на последнем месте в данном ряду стояли приверженность трезвому образу жизни, пренебрежение азартным играм и «распутству».

Анализ посемейных списков купцов, потомственных и личных Почётных граждан Курской и Воронежской губерний показал, что подавляющее большинство купеческих женщин являлись многодетными ма-

терями. Нередко число детей в купеческих семьях превышало десять человек. Межродовое время составляло в ряде случаев всего несколько месяцев, и совпадало с лактационным периодом женщины. Частота деторождений в купеческих семьях во многом была связана с принадлежностью (в своей основной массе) чернозёмного купечества православной конфессии и неприменением методов искусственного регулирования рождаемости. Таким образом, зачастую процесс деторождения в купеческих семьях растягивался на весь биологически заданный репродуктивный период женщины.

Ещё один штрих в картину семейной жизни купеческой женщины Центрального Черноземья в пореформенный период добавляет исследование психоэмоциональной стороны семейных отношений. С позиций историко-феминистического подхода эмоциональная область жизни купеческого семейства Центрального Черноземья в 60-90 гг. XIX в. ещё не становилась предметом специального исследования региональных социальных историков.

Отношения между мужем и женой в купеческой семье были самыми разнообразными, охватывая широкий спектр человеческих эмоций – от любви и уважения до острой неприязни, даже до ненависти; в них соседствовали между собой взаимная заинтересованность и эмоциональная близость, с одной стороны, и полное равнодушие, неравенство, подчинение женщины – с другой. Вообще характер внутрисемейных отношений в дореволюционной России регулировался законом. Семейное право указывало на то, что жена обязана повиноваться своему мужу, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома⁹. Муж, в свою очередь, должен был любить свою жену, как собственное своё тело, жить с ней в согласии, уважать, защищать, извинять её недостатки и облегчать её немощи; доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей¹⁰.

Воспитываемые с детства у женщины купеческого сословия Центрального Черноземья покорность и почтение к старшим, к мужчине, как олицетворению силы, в браке со временем трансформировалась в сложный комплекс чувств, испытываемых к своему мужу. И одной из отличительных черт этих ощущений был страх. Сами мужчины-купцы полагали, что «бабе – всякой и всегда страх на пользу»¹¹. Купеческая жена боялась проявляемого повседневно гнева своего супруга. По воспоминаниям одной из купчих, первые годы замужества она «... не могла побороть в себе чувства страха, который навевал на неё новый муж своим нравом и грубым обращением»¹². В жизни ещё одной представительницы купеческого сословия бывали такие моменты, когда она «могла простоять у кабинета главы семейства весь день и не решиться войти»¹³. В известном описании купеческого быта середины XIX в. приводится пример боязни купеческой жены своего отличавшегося крутым нравом супруга. Разбив однажды стекло в образе Богоматери и в замешательстве разлив на далеко не новое домашнее платье лампадное масло, она в ужасе ожидала его возвращения домой, боясь брани и побоев¹⁴.

Неограниченная власть в купеческом семействе, принадлежащая мужчине, охотно им подчёркивалась. Часто в купеческих домах без мужчин «ничего не делалось, будь это существенное или мелочь»¹⁵. И внешними проявлениями самодержавного начала в купеческом семейном строе были такие ситуации, когда женщине в отсутствие мужа не разрешалось выезжать из дома, даже в церковь; навещать своих родственников и др. Неподчинение женщины подобным правилам, принятых в купеческих домах, расценивалось как нарушение семейной дисциплины. Нередко страх был вызван угрозой применения физического насилия. Парадоксально, но женщины купеческого сословия, подвергавшиеся воздействию физической силы, не считали это чем-то экстраординарным. Подобное «мужнино ученье» было вполне допустимо в отношениях между мужем и женой и социально не осуждается. Вообще во многих литературных произведениях пореформенного периода, авторами которых являлись представители дворянства или выходцы из интеллигентской среды, о купчихах отзывались не иначе как о существах страдательных, вынужденных подчиняться «всем этим патриархальным порядкам по необходимости»¹⁶, более того, «по понятию большинства» считалось, что «жена у купца – раба»¹⁷.

Существует и диаметрально противоположный взгляд на роль женщины в супружеских отношениях в купеческой среде. Личные и художественные источники сохранили примеры доминирования женщины в личностных отношениях между супругами. Подобного рода отношения, ярко окрашенные в негативные тона, описаны одним из представителей купеческой корпорации в автобиографическом сочинении: «Моя фурия и медуза жена, что за чудело в человеческом теле, жадна неумеренно, богомольна до бешеного суеверия, не терпящая людей посторонних при мне, и гоняющая даже всех без разбору с голдарей, а в особенности женщин. Вот мука адская вечная мне...»¹⁸. Жена данного купца и после многолетней совместной жизни испытывала чувство ревности к своему мужу: «И теперь (она) не оставит ни одной женщины, пришедшей ко мне за покупкой без своего надзора. Выбежав к нам в лавку, злобствующая, с искажённым лицом злобою смотрит на женщину, и дожидается, что она возьмёт и как уйдёт из лавки...»¹⁹.

Нередко преобладание купеческой женщины в семье при живом муже вызывалось тем, что муж в силу личностных характеристик (слабоволие, нерешительность и пр.) и поведенческих особенностей (расточительство, пьянство, пристрастие к азартным играм и т.д.) не был способен успешно управлять семейным делом, быть деятельным хозяином домашнего обихода. В таких случаях женщина, от природы обладавшая сильным характером и «приобретательными» способностями, была вынуждена брать на себя «деловую сторону» семейной жизни и становиться «командиршею в доме»²⁰. Это не могло не отразиться на характере супружеских отношений. Такие женщины исподволь завоёвывали себе полную независимость в браке, подчиняя своей воле «плохонького» мужа²¹.

Предпринимательская деятельность мужчин-купцов и выполнение ими общественных обязанностей, требовавшие проведение времени вне

дома и связанные с частыми, порой, многомесячными отъездами, вызывали потребность в обмене впечатлениями с женой о проведённом «рабочем» дне, в обсуждении результатов поездки. Эти темы были содержанием личного супружеского общения. Они же становились главными в переписке между супругами, которая часто являлась единственным развлечением купца во время его пребывания на ярмарке. Заинтересованность женщины в делах мужа, её способность быть хорошей собеседницей стимулировали возникновение эмоциональной привязанности, тем самым, укрепляя супружеские отношения. Изучение дневниковых записей представителей купеческого сословия, показало, что нередко жена являлась не только женой, но и сотрудницей; не только женщиной, нужной физически, но и умной подругой, чей совет дорог, чьего совета надо спросить и чьему совету нередко следуют²².

Женщина купеческого сословия Центрального Черноземья в пореформенный период играла решающую роль и в духовной коммуникации членов всего купеческого семейства, от неё зависела эмоциональная окрашенность внутрисемейных отношений. Женщине в купеческой семье отводилась роль «заступницы» за детей, слуг перед мужем – главой купеческого домохозяйства. Часто жена, имея на своего мужа определённое влияние, выступала в семейных ссорах «мироворицей»: могла «удержать» его иногда слишком смелые, страстные порывы против несправедливого дела. Она могла смягчить его характер...»²³.

Купеческая женщина отвечала за исполнение членами семьи всех элементов религиозной жизни – ежедневных молитв, соблюдение постов, регулярное посещение церковных служб и др. Она же была ответственна за отношения с многочисленным духовенством, приём которого входил в понятие хорошего тона среди богатого чернозёмного купечества.

Мужскому сознанию купеческого сословия была присуща характерная для традиционных обществ модель феминности, содержанием которой было уничижительное представление о женщинах как о существах легкомысленных, даже глупых, несамостоятельных в принятии правильных решений по организации домашнего обихода, неспособных к занятиям торговой деятельностью. Однако эта умозрительная модель противоречила реально играемой роли женщины в хозяйственной жизни купеческого семейства, когда функционально купчиха выполняла или контролировала все работы по ведению домашнего хозяйства – самостоятельно или с помощью прислуги; была осведомлена о семейных финансово-экономических делах, более того, отвечала за конкретные участки семейного торгового дела.

Главной обязанностью женщины в семье была организация семейного быта. В купеческих семьях, особенно в тех, где это позволял материальный достаток, женщины все более устранились от непосредственного выполнения домашних дел, оставляя за собой только функции распорядителей и контролеров. Эта тенденция продолжалась и в последующий период, о чем говорит увеличение количества прислуги в купеческих семьях конца XIX - начала XX вв. Так, по воспоминаниям популярнейшей в начале XX века исполнитель-

нишы русских народных песен Надежды Плевицкой, уроженки Курской губернии, в 80-е гг. XIX в. «в важном и богатом доме» – особняке курского миллионера купца Николая Васильевича Гладкова штат прислуги состоял из «трёх горничных, лакея, поваров, кучеров и прочих»²⁴.

Управленческая деятельность женщин в богатом купеческом домохозяйстве заключалась в определении основного направления хозяйственных работ, в целенаправленном распределении занятий среди слуг, в наблюдении за своевременным исполнением своих распоряжений. При этом каждая купеческая женщина Курской и Воронежской губерний в 60-90 гг. XIX в. владела «надлежащими навыками различных домашних работ», что позволяло «легко и быстро обеспечить семейное довольство», поддерживаемое порядком, опрятностью, правильным распределением занятий и времени²⁵.

Повседневность купеческой женщины была наполнена «мелочными, ежедневно возобновляющимися хлопотами и заботами о домашнем хозяйстве»²⁶. Образцовыми хозяйками признавались те из купеческих жён, которые могли «всегда устроить своему мужу хорошую жизнь»²⁷. Такие женщины никогда не упускали своей хозяйской выгоды, и поэтому «издалека вбирали в себя богатства»²⁸; могли экономить, беречь, приумножать благосостояние семьи; были способны целесообразно распорядиться средствами, выделяемыми на домашний обиход: покупку продуктов питания, средств гигиены, одежды и обуви, топлива, корма для домашних животных.

Роскошь в купеческой среде считалась смертным грехом, а потому у хорошей хозяйки во всех отраслях домашнего хозяйства были заведены мера, вес и счёт²⁹. Рачительное ведение домашнего хозяйства требовало от купеческой жены соблюдения строгой экономии денежных средств. Этой цели служило тщательное изучение цен на необходимые в домашнем хозяйстве товары, с тем, чтобы в последствии осуществить их покупку по оптимальной цене.

Вообще в купеческой среде Центрального Черноземья в пореформенный период было распространено представление, согласно которому, забота о сохранении и сбережении того, что приобретает муж, является нравственным долгом жены³⁰. Купеческие женщины полагали, что совместный с мужем пожизненный процесс благоприобретения, базировавшийся на принципе «... тут копейку сбережешь, в другом месте урвешь – смотришь, и гривенничек!», в конечном счете, приводит к «составлению состояния»³¹. Бережливость купеческих жён иногда граничила со скаредностью и рождала «быт, характеризовавшийся тяжеловатой зажиточностью»³². По воспоминаниям одного из купцов, в детстве в их семействе «царствовала не то чтобы скудость, а какое-то упорное скопидомство»³³. Проявления бережливости в хозяйстве купеческой семьи Центрального Черноземья были весьма разнообразны. Часто, даже в считавшимся вполне обеспеченным купеческом доме было принято жестко ограничивать всякие домашние расходы.

Таким образом, мир купеческой женщины Курской и Воронежской губерний в пореформенное время был наполнен заботами о сохранении и укреплении благосостояния семьи, её хозяйственной обеспеченности. Взгляд на положение женщины в иерархии купеческой семьи неодно-

значен. Роль купчихи в семейных отношениях определялась многочисленными факторами, среди которых лидировали её личностные характеристики.

Принимая во внимание всё сказанное выше, можно сделать выводы о том, что модернизационные процессы, происходившие в российском обществе в пореформенное время, непосредственно коснулись и жизни женщины купеческого сословия Центрального Черноземья. С одной стороны, для купчих в исследуемое время брак и семья по-прежнему оставались единственным общественным предназначением. Домашний очаг был для представительниц купеческого сословия сферой, в которой они «представительствовали». Но с другой стороны, причастность (в той или иной степени) к различным видам предпринимательской деятельности, требующим проявления поведенческой активности, поддержания деловых и личных контактов с многочисленными людьми (клиентами, деловыми партнёрами), выводила купеческую женщину за узкие рамки семьи. Так постепенно трансформировалось традиционное распределение ролей между мужчинами и женщинами в купеческой среде, при которой женщина была заключена исключительно в частной сфере дома, а мужчина – во внешнем мире.

Примечание

¹ Бюхнер Л. Призвание женщины и её воспитание. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1857. – С.91

² Там же. – С.15.

³ Наше купечество и торговля с серьёзной и карикатурной стороны. Вып. 3. М.: Типография Грачёва, 1867. С.104.

⁴ Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980. С.29.

⁵ Островский А.Н. Свои люди – сочтёмся / Соч. в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987. С.40.

⁶ Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762-1847), собранные Н. Вишняковым. Ч. II. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. С. 50.

⁷ Там же. С. 44.

⁸ Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. М.: Художественная литература, 1950. С.4.

⁹ Свод законов Российской Империи. Том X. Ч. I. / Сост. И.М. Тютрюмов. СПб., 1900. Ст.107.

¹⁰ Там же. Ст. 106.

¹¹ Островский А.Н. Не всё коту масленица / Соч. в 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1987. С. 389.

¹² Ушаков А. Из купеческого быта. Ч. I. М., 1852. С. 46.

¹³ Сведения о купеческом роде Вишняковых. С. 184.

¹⁴ Ушаков А. Из купеческого быта. С. 89.

¹⁵ Сведения о купеческом роде Вишняковых. С. 147.

¹⁶ Наше купечество и торговля с серьёзной и карикатурной стороны. Вып. 1. М.: Типография Грачёва, 1865. С. 42.

¹⁷ Там же. Вып. 2. М.: Типография Лазаревского института восточных языков, 1886. С.6.

¹⁸ Памятная книжка купца 2-й и 3-й гильдии городского головы города Чухломы Ивана Васильевича Иудина, от начала его жизни в 1799 и до кончины в 1880 году (хроника жизни). / Ред. Таганов Д.Н. М., 2002. С. 109.

¹⁹ Там же. С. 113.

- ²⁰ Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. С. 24.
²¹ Мюхневич В. Москвичка. СПб.: Калашниковская типография А. Трунова, 1891. С.141.
²² Сведения о купеческом роде Вишняковых. С. 85.
²³ Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Вып. 2. С.6.
²⁴ Плевницкая Н. Возвращение в Россию. М., 1993. С.222. С. 91.
²⁵ Бюхнер Л. Призвание женщины и её воспитание. С. 23.
²⁶ Там же. С.15.
²⁷ Домострой / Сост., перевод, статья В.В.Колесова. СПб.: Наука, 2000. С.36.
²⁸ Там же.
²⁹ Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. С.100.
³⁰ Бюхнер Л. Призвание женщины и её воспитание. С.98.
³¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. С.48.
³² Боборыкин П.Д. Китай-город. М.: Московский рабочий, 1960. С.79.
³³ Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. С.19.

ПОЛЯКИ В РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ХАРЬКОВА)

Штан Геннадий Валериевич

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

В статье исследуются причины и следствия взаимодействия поляков с населением российских городов на примере Харькова на рубеже XIX – XX веков.

Ключевые слова: вклад поляков в русскую культуру, польские благотворительные общества, Харьков.

The author analyses the causes and effects of the interaction between the Poles and the Russian cities' inhabitants taking Kharkov on the brink of the XX cent. as an example.

Key words: Poles' contribution to the Russian culture, Polish charitable societies, Kharkov.

Российская империя была многонациональным государством, что ныне расценивается по-разному. На новом этапе развития исторической науки назрела необходимость оценить реальный вклад национальных меньшинств на рубеже веков, помимо собственно национальных движений, в развитие всей империи и отдельных её частей – в частности, поляков, обратив внимание на причины и следствия данного взаимодействия, что и является задачей данной статьи. Тема до недавнего времени фактически не привлекала внимания исследователей: рассмотрены только отдельные фрагменты на основе местного материала – в частности, харьковская польская диаспора. В частности, необходимо отметить работы М. Жура [5], а также И.Т. Лисевича [10].